ЛЕДОВЫЙ ФЛАГМАН

Небольшое судно «Надежда» непогода застигла в открытом океане. Ураган налетел неожиданно и свирепо. Корабль накренился так, что, казалось, он уже никогда не выпрямится. По команде шкипера матросы бросились убирать большие паруса и рифить малые.

Пронзительно свистел и выл в снастях ветер, шумело море, а люди, обдаваемые волнами, перекатывающимися через палубу, работали лихорадочно и зло. Посиневшими от холода руками они ловили треплющиеся по ветру полотнища парусов, свертывали их в огромные жгуты, скручивали веревками.

На баке боролся с непослушным парусом подросток лет четырнадцати, ловкий, не по годам сильный. Позади него цепко ухватился за ванты паренек года на два моложе.

Морякам удалось справиться с главными парусами, и судно выпрямилось. Раздалась команда: «Убрать кливер». Старший из подростков взобрался на бушприт, обхватив его одной рукой, а другой принялся за дело; и тут кто-то закричал:

— Держись, Володька!

Над судном нависла темно-зеленая громадина девятого вала. Густая тьма скрыла все. Но вот волна перекатилась через

палубу, и все с облегчением вздохнули, увидев юношу, по-прежнему убиравшего парус.

Команда с изумлением следила за этим единоборством юного моряка с бурей. Шкипер уже не раз кричал ему: «Брось кливер». Но матрос продолжал свое дело. Он появился на палубе лишь после того, как парус был подобран, накрепко уложен и перевязан.

Так начиналась морская жизнь ледового капитана Владимира Ивановича Воронина, большая жизнь человека, отдавшего себя мечте.

А рассказывал об этом происшествии в море тоже ставший впоследствии капитаном дальнего плавания Федор Иванович Воронин. Он-то и был тем мальчиком, который вместе с другими на паруснике «Надежда» с тревогой наблюдал за поединком брата со стихией.

Владимир Воронин восьмилетним мальчиком, зуйком, как звали тогда малолетних поморов, впервые вышел в море и умер на ледоколе в тот день, когда ему исполнилось шестьдесят два года. Полвека в море, почти тридцать лет в борьбе со льдами, десятки самых ответственных рейсов, каждый из которых имел огромное значение для развития советского арктического мореплавания.

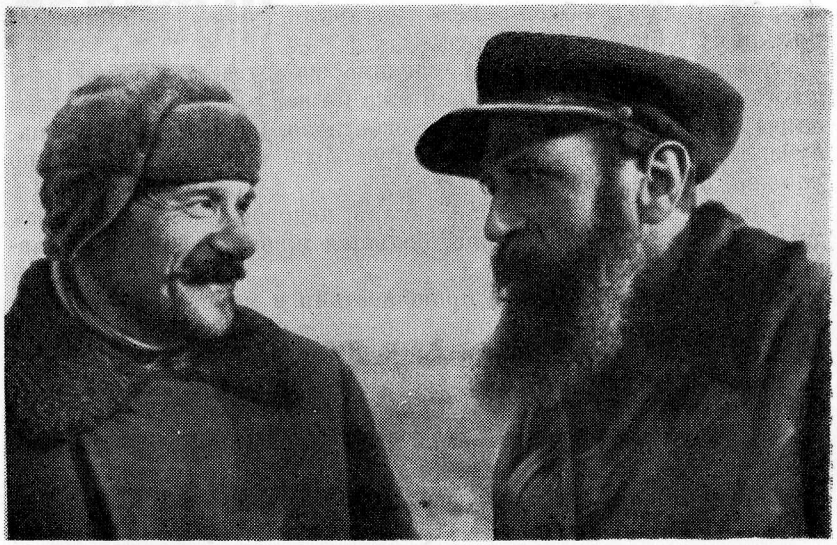
И увенчал славный путь флагмана ледокольного флота знаменитый переход Северным морским путем за одну навигацию.

Была у этого человека тяга к неведомому, негасимая страсть первооткрывателя, зародившаяся в архангельской мореходке, когда будущие шкипера с завистью провожали к Северному полюсу экспедицию Седова. В конечном счете это и привело его на мостик «Сибирякова».

Отто Юльевич Шмидт писал Воронину:

«Дорогой Владимир Иванович. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли решение: пройти по Северному морскому пути. Нам надо окончательно завоевать Арктику. Предлагаю вам принять командование ледоколом «Александр Сибиряков». Ваш старый друг О. Ю. Шмидт».

И Воронин принял это предложение. Принял потому, что глубоко понимал, как важно для огромной Советской страны освоить путь через полярные моря к Тихому океану. Позднее, через несколько лет, в родном Сумпосаде он говорил своим землякам:



В Арктике. В. И. Воронин и О. Ю. Шмидт на борту «Челюскина»

— Не пристало нам, русским, ждать, когда кто-то другой проложит путь на Восток северными морями. Моря-то эти наши, они омывают наши берега.

В то время, когда выходил в свой легендарный рейс «Сибиряков», среди многих, даже видных западно-европейских мореплавателей, существовало мнение, что Северный морской путь в одну навигацию пройти невозможно и тем более бессмысленно рассчитывать на то, что он когда-нибудь послужит для регулярного плавания неледокольных судов. Но вот ледокол в плавании. Он прошел уже Карское море, добрался до пролива Вилькицкого.

Встретились тяжелые льды. Воронин повел корабль севернее архипелага Северная Земля.

Мир замер: куда он идет, ведь там еще никто не бывал, никто не изучал здесь ни режима льдов, ни течений. Заграничные авторитеты острили: «Может быть, он надеется на свою интуицию?» Шмидт посмеивался:

— Владимир Иванович, а есть у вас эта интуиция?

Он хорошо помнил, как когда-то Воронин рассказывал о себе: «Мой прадед, и дед, и отец ходили на китовый промысел, били зверя у Новой Земли, плавали и к Шпицбергену. Но никто из Ворониных не знал ни карт, ни лоций. Чутьем угадывали отмели, по своим приметам чувствовали приближение шторма и уходили от льдов».

— Что ж, если ваша интуиция — сумма унаследованного от отца и дедов опыта да еще свои наблюдения, я думаю, такая интуиция нам пригодится.

А «Сибиряков» все шел, с трудом преодолевая льды. Медленно, натужно. Иногда Владимир Иванович записывал в судовом журнале: «За вахту продвинулись на два корпуса».— За четыре часа не более двухсот метров. В такие дни правильнее было бы писать «продвинули ледокол»: команде приходилось рубить и подрывать ледяное поле, отвоевывая у него узкие протоки чистой воды.

И все-таки ледокол пробивался вперед, на восток. Уже пройдены и Карское море, и море Лаптевых, и Восточно-Сибирское, добрались до Чукотского. И вдруг авария: поломался гребной винт. Что, дрейф? Вынужденная зимовка? Зарубежные прорицатели снова забубнили свое: «Теперь конец «Сибирякову».

— Нет, надо пройти.— решает Воронин и находит выход из положения: сменить винт своими силами. Во льдах? При адской стуже Арктики и без дока? Да, здесь, и к тому же у перегруженного корабля!

И вот тут-то и обнаружилась та черта в характере капитана, которая позволила ему добиваться того, что многим казалось недостижимым: помноженная на опыт смелость в решениях и огромная вера в способность людей пойти на подвиг.

Объявляется аврал. Люди перетаскивают многие сотни тонн груза на носовую часть палубы. Работают все — матросы, кочегары, ученые, капитан и его помощники. Корма поднялась. Теперь пришел черед механиков. Они сделали, казалось, невозможное: установили винт в таких условиях.

Но беда вновь подстерегла ледокол. В борьбе со льдами был потерян винт, который упал на морское дно вместе с головкой вала. На что же теперь надеяться? Ждать, когда лед разойдется и корабль вынесет к Берингову проливу? А если его понесет на Север?

Что скажет капитан?

И он сказал суровую правду: остается одна возможнось: из брезентов соорудить паруса, рубить и взрывать лед, выводить ледокол на чистую воду, а там, может быть, буксировать его шлюпками. Капитан пообещал им жестокую борьбу и нечеловечески трудную работу, но это ни у кого не вызвало ни уныния, ни растерянности.

Да, на «Сибирякове» не было ни трусов, ни лодырей. Главное ядро экипажа составляли моряки, уже плававшие с Ворониным.

И уже несется по палубе: «Даешь брезенты!» И поднялись на мачты серые паруса, расправились под напором ветра. «Сибиряков» вдруг превратился в парусник неизвестного типа. Но он двинулся, пошел, вырвался из ледового плена и завершил свой рейс победно. Великий Северный морской путь — тысячи миль льдов — был впервые в истории полярного мореплавания пройден за одну короткую арктическую навигацию.

И был еще один рейс, приковавший к себе внимание всего мира — первый и единственный рейс «Челюскина», Воронин предвидел всю сложность этого перехода на обычном судне, не имевшем даже предохранительной обшивки на корпусе. Но не в характере капитана было отступать. Все равно и такие корабли когда-нибудь придется проводить по Северному пути.

Льды встретили «Челюскина» сразу, как только он вышел в Карское море. Но пароход пробивался вперед. С большим трудом Воронину удавалось отыскивать проходы между ледовыми полями. Иногда судно оказывалось в дрейфе, и его вместе со льдом то несло к востоку, то отбрасывало назад. И снова начиналась борьба за те же мили, которые были когда-то пройдены. Их вновь приходилось брать с бою. А потом корабль опять оказывался в плену.

Наконец шпангоуты не выдержали ледового натиска, в носовом трюме появилась течь, донки едва успевали откачивать из него воду. Нужно поставить дополнительные крепления в трюме. А это можно сделать лишь в том случае, если он свободен от груза. Значит, опять аврал. Все, от матроса до капитана, перетаскивали уголь. Работали больше суток с короткими передышками, посменно. Плотники укрепили шпангоуты бревнами, заделали пробоины цементом. И начались новые попытки вырваться из плена.

Первого ноября, после почти трехмесячной борьбы челюскинцев со льдами, пароход вынесло дрейфом к Берингову проливу. Казалось, уже победа. Но нет... Четыре дня несло «Челюскина» по проливу к морю Беринга, но он так и не освободился от ледового панциря. Сменившимся ветром его стало относить назад.

В середине ноября Воронин радировал: «...Вокруг льды, трещит мороз... Остается одно — дрейфовать... Три четверти мили до чистой воды. Преодолеть... и мы свободны. Я вижу, как гуляет зыбь, ходят морские звери, пускают фонтаны киты. Пробую, пробую. Но лед крепок. Не помогли даже три тонны аммонала... Льды душат нас. Сегодня я прошел на лыжах посмотреть ледовое поле. Нет, не выбраться. Просили помощи у ледокола «Литке». Но «Литке» пробиться к нам так и не смог. Мы не стали рисковать: в бункерах ледореза оставался совсем маленький запас топлива. Мы отказались от помощи «Литке», чтобы спасти его».

«Челюскина» вместе со льдами понесло назад, опять в Чукотское море. Начались вьюги. Зима хозяйничала уже вовсю. Предстояло выдержать длительный дрейф. Челюскинцы знали, чем это угрожало. Они приготовились к новой схватке со льдом, с холодами, с полярной ночью. Одно тревожило их: выдержит ли пароход? А если нет? Тогда на лед. Шмидт и Воронин готовят участников и к такому продолжению борьбы. Заранее предусматривается, что и кому следует выгружать на льдину в первую очередь.

А льды наступают и наступают, все чаще и чаще трещат шпангоуты судна. Но стойко и мужественно держатся челюскинцы. День, неделю, месяц, второй...

И опять все материки настороженно прислушиваются к тревожным радиовестям. Кто-то из недоброжелателей уже твердит старое: «Фритьоф Нансен считал грузовое движение по Северному морскому пути утопией. Напрасные попытки».

Напрасные? Нет. Именно теперь, когда над кораблем нависла угроза гибели, когда его экипаж оказался перед страшной, может быть, трагической развязкой, они, челюскинцы, окончательно убедились, что советские пароходы будут регулярно проходить Северным путем. В холодные звездные ночи Шмидт всматривался в даль моря и с непоколебимой уверенностью обдумывал планы новых экспедиций.

И Воронин думал о будущем. Может быть, льды раздавят «Челюскина», но ведь он выходил к Берингову проливу.

Окажись тогда поблизости ледокол, и «Челюскин» уже был бы во Владивостоке. Значит, будущее Северного морского пути в мощном ледокольном флоте, который сможет сопровождать обычные грузовые суда. И они пойдут десятками, сотнями.

...Катастрофа произошла ночью 13 февраля 1934 года. Огромный ледяной вал надвинулся на корабль. «Челюскин» стал тонуть. Капитан приказал выгружать на лед продовольствие, топливо, палатки, спальные мешки, шлюпки, вельботы, самолет. Вслед за этим последовала команда: всем покинуть судно. Палуба опустела. Пароход уже погибал, его носовая часть ушла под воду. А Воронин все еще стоял на палубе, стараясь рассмотреть, все ли покинули «Челюскин». Он спрыгнул в ту решающую минуту, за которой последовал последний рывок уходящего в бездну корабля.

Воронин не впервые оказывался в столь критическом положении. В 1918 году немецкая подводная лодка торпедировала советский пароход «Федор Чижов». Взрывной волной Владимира Ивановича выбросило за борт. Контуженный, он нашел в себе силы, чтобы помочь тонувшему мальчику. Их подобрала шлюпка. Но немцы открыли огонь по ней. Воронин почувствовал: что-то острое полоснуло по спине. Вновь оказавшись в воде, превозмогая боль, он одной рукой обхватил мальчика. Спасли их рыбаки, как раз в тот миг, когда Владимир Иванович терял сознание...

Тогда все случилось в заливе, близ гавани... А теперь за сотню миль от берега, в ледяной пустыне.

Владимир Иванович приказал:

— Не стоять, не мерзнуть, всем работать! Ставить палатки, выдать людям спальные мешки!

И началась жизнь в глухой полярной ночи, на обжигающем ветре, в грохочущем хаосе льда... Именно жизнь, наполненная мужеством, удивившим весь мир.

«Русским не удастся спасти экспедицию Шмидта» чревовещали зарубежные предсказатели. А челюскинцы тем временем продолжали научные исследования, слушали лекции, выпускали стенгазету, читали стихи, мечтали о новых ледовых рейсах. Именно здесь, на льдине, Отто Юльевич Шмидт думал о высадке экспедиции на Северном полюсе с самолетов, об организации дрейфующих научных станций, а Воронин задумывался над тем, где лучше группировать суда будущих караванов,

чтобы ледоколы могли проводить их по трудным участкам Северного морского пути.

...Начиналась очередная вьюжная ночь. Владимир Иванович вышел из палатки. Вышел, как уже много раз выходил за время существования лагеря, чтобы челюскинцев не застало врасплох новое движение льда. Он по опыту знал, что ледяные поля, не поддававшиеся ни ударам стального корпуса корабля, ни аммоналу, под действием титанической силы ветра и волн могут в любую минуту расколоться. Только вчера льдина под лагерем дала трещину, разломалась на части, и всем опять пришлось перетаскивать груз на новое поле. Потребовалось образовать запасные склады в разных местах.

А что если следующая подвижка льда захватит широкую площадь? Тогда надо во что бы то ни стало спасти шлюпки и вельбот.

Воронин, конечно, был уверен, что правительство снарядит экспедицию для спасения челюскинцев, но, как опытный полярник, представлял трудности этой операции. Успеют ли до весны? А если не успеют? Значит, надо беречь силы людей и попытаться выбраться самим. Когда образуются полыньи, может быть, удастся в шлюпках и на вельботе добраться до берега.

Он ходил вокруг лагеря, прислушивался к вою ветра и таинственному гулу скованного льдом моря. Вдруг его окликнули. Он пошел на голос, встретил Шмидта. Отто Юльевич по памяти пересказал ему только что полученную радиограмму из Москвы, от Куйбышева:

К южному побережью Чукотки идет пароход «Сталинград» с дирижаблями, самолетами, аэросанями, тракторами. К мысу Олюторскому подошел «Смоленск» — тоже с самолетами и летчиками. Скоро выйдет из Японии «Литке». В обход, южным путем, плывет «Красин».

— Зайдем в палатку, хотя бы к вам,— сказал в заключение ученый.

Воронин, казалось, не расслышал последних слов Шмидта. Он тяжело вздохнул и не сразу ответил:

— Всех подняли...— голос его дрогнул.— Скажите, Отто Юльевич, чем мы отплатим за это?

— Чем? — Шмидт положил руку ему на плечо.— Мы еще пройдем с вами не одним рейсом через Северный морской путь...

Прошло еще много дней и ночей. Челюскинцы готовились к встрече самолетов. Строили аэродромы, очищая от торосов посадочные и взлетные площадки. Сделают один, но лед придет в движение и нет его. Снова работают. Потом стали устраивать запасные, в разных местах.

А в эфире все не смолкал разноязычный говор. Со всех континентов им слали добрые пожелания. Радио несло им теплые приветы от родных, от знакомых и незнакомых. На Родине сотни моряков просили принять на суда, отправлявшиеся в далекое Чукотское море.

И вот пришла еще одна ночь, последняя ночь лагеря Шмидта на льдине в Чукотском море, ночь на 13 апреля 1934 года... Их оставалось всего пять человек — все остальные были уже доставлены самолетами на материк. Воронин обошел лагерь. При свете фонаря на примусе вскипятил чай, выпил кружку. Потом вымыл посуду, прибрал все в палатке и по морскому обычаю подготовил запас продовольствия, теплой одежды и других вещей, которые могли бы пригодиться человеку, если бы он по воле судьбы оказался на этой льдине.

Ему опять вспомнилась трагедия Седова, вспомнилось все, чему он был свидетелем в то время в Архангельске. Жалкое деревянное суденышко «Св. Фока», горе родственников отважного исследователя, растерянность чиновников, бессилье моряков, желающих помочь седовцам...

— Да, не пришло еще время тогда идти к полюсу. Теперь вот наши дойдут. Такая силища...

Воронин прислушался. Откуда-то донесся приглушенный гул льда. Неужели разломает площадку? Если разломает, другую мы не подготовим впятером. Сил не хватит, да и поздно уже — апрель. Что же, тогда пойдем пешком. С одной лодкой, а навстречу пошлют собачьи упряжки...

Уже рассветало. Послышался гул самолетов. «Их шум привел меня в себя,— рассказывал потом Воронин.— Я вытащил нож, взял спасательный круг и отрезал от него кусок полотна, на котором черной краской было выведено «Челюскин».

...Самолет оторвался от площадки, сделал разворот и взял курс к берегам Чукотки. Владимир Иванович последний раз окинул взором опустевшую льдину, над которой развевался красный советский флаг. А на родной земле люди ликовали. Изумленный мир преклонялся перед мужеством челюскинцев

и беспримерным подвигом летчиков — первых героев Советского Союза.

«Прощай, Чукотское море. Мы еще вернемся сюда».

И Воронин возвращался. Не раз и не два. В сущности, он там жил, жил в Арктике и Арктикой. Лишь на короткое время он приезжал в родные места. Летом 1935 года, после семилетнего перерыва, Владимир Иванович побывал в Карелии, посетил Петрозаводск, Кончезеро, полюбовался Кивачом, проехал по Беломорско-Балтийскому каналу.

В Сороке его встречали земляки-поморы. Был митинг. Полярный капитан рассказывал о северном пути с какой-то особой воронинской теплотой, то и дело повторяя слова «Наш север».

Слава его гремела уже по всем морям и океанам, его знали в нашей стране стар и млад, а он морщился, беспокойно шевелил рукой пышный каштановый ус, когда ораторы называли его работу подвигом.

После митинга я подошел к Владимиру Ивановичу, подал ему номер районной газеты «Беломорская трибуна». Он пожал мне руку, улыбнулся своими иссиня-серыми глазами.

— Газету вашу я читал, в порту видел,— сказал он ровным, чуть напевным басом.— Хорошо, что о рыбаках пишете. Вот только этого не надо.— И, развернув газетный лист, указал на статью, в которой высказывалось предложение переименовать Сумпосад в село Воронино.

А потом, уже вечером, на встрече с районными работниками, он снова возобновил этот разговор.

— Не надо, земляк, этого шума, не к чему. Да и зачем переименовывать нам Сумпосад... О нем везде знают. А уж моряков там до меня жило немало. Бывали и такие, что пораньше нас ко льдам хаживали.

Да, таков был Воронин, скромный, простой, не переносивший почестей.

Через год, после успешного плавания на «Ермаке», Владимир Иванович снова посетил родной Сумпосад. Был он в приподнятом настроении. Подолгу разговаривал с каждым земляком, обошел все сельские учреждения, побеседовал со школьниками, пригласил группу ребят к себе в гости в Ленинград (и они в ту зиму ездили к нему).

Эта радость Воронина захватила всех нас, особенно после той его встречи с рыбаками, когда он рассказывал о последних

двух арктических навигациях. И было чему радоваться. Уже в 1935 году за одну навигацию из Владивостока в Мурманск прошли обычные грузовые суда «Анадырь» и «Сталинград», а пароходы «Ванцетти» и «Искра» — из Мурманска во Владивосток.

— Сто шестьдесят кораблей, несмотря на тяжелую ледовую обстановку, выполнили свои задания на Северном морском пути,— доложил своим землякам флагман советского ледокольного флота.

— А что бы вы теперь ответили тем, кто ссылался на Нансена,— спросил я Воронина.

— Нансен говорил о своем времени,— сказал в ответ Владимир Иванович,— тогда он не знал, каким будет Советский Союз и какими будут советские люди. Если бы он дожил до теперешних дней, он понял бы это. А вот те, кто таким образом использовал его слова, никогда не поймут ни нашу страну, ни наших людей. Да и Нансена они не понимали.

Как-то Владимир Иванович писал своим землякам:

«В нашей молодой стране старость не страшна. В такой стране всегда найдутся те, кому мы спокойно можем передать в твердые руки и штурвалы наших кораблей, и славные традиции полярных мореплавателей. Наследники найдутся достойные. Но много ли среди них будет людей, в мореходных книжках которых найдется запись: «Место рождения — Сумский посад». Много ли среди будущих завоевателей Арктики (а работы там непочатый край) будет вас, моих земляков? Интересует этот вопрос меня потому, что наше родное поморье испокон веков славилось бесстрашными полярными мореплавателями...»

Поморы помнят этот призыв легендарного капитана. Уже плавают на кораблях те, к кому были обращены эти слова. Уже встают в строй моряков дети тех мальчишек, которых принимал на своем ледоколе Воронин.

★

...Потом опять высокоширотные экспедиции, новые плавания. В годы войны Владимир Иванович проводил караваны судов к прифронтовому Мурманску, пробивал во льдах путь боевым кораблям, а потом он первым из советских капитанов

вел в далекие антарктические моря китобойную флотилию «Слава».

И еще один рейс. Воронин получил задание вывести из ледового плена застигнутые ранней зимой пароходы. Он выполнил это задание, привел суда к Диксону. Капитан находился на мостике, когда отгремела цепь якоря, брошенного с последнего корабля, прибывшего в порт. И вдруг Владимир Иванович опустился возле штурвала. Его большое сердце навсегда остановилось, как будто отдало все свое тепло Арктике и навсегда отогрело ее студеные воды.